

женія не могли не найти отклика въ чуткой душѣ большого художника. Новыя настроенія отразились у Толстого въ рядѣ публицистическихъ статей и во всѣхъ новыхъ его художественныхъ произведеніяхъ.

VII.

Существуетъ предразсудокъ, который заслуживаетъ быть опровергнутымъ — это объ упадкѣ творческой дѣятельности Толстого въ періодъ увлеченія его религіозно-философскими настроеніями. Обыкновенно принято считать, что Толстой „Войны и мира“ и „Анны Карениной“, какъ художникъ, выше Толстого болѣе позднихъ произведеній; но это совершенно не вѣрно. Толстой, какъ художникъ, не утратилъ своихъ дивныхъ творческихъ силъ до глубокой старости. Правда есть разница въ произведеніяхъ болѣе раннихъ и болѣе позднихъ, но эта разница вовсе не во вредъ новому. Толстой сталъ еще строже относиться къ своему творчеству. Языкъ его сталъ проще, строже, разсказъ суровѣе и напряженнѣе. Толстой сталъ ярче и опредѣленнѣе, чѣмъ прежде, высказывать свои новые взгляды, удѣляя иногда имъ часть содержанія новыхъ разсказовъ, какъ сдѣлалъ онъ это и въ „Войнѣ и мирѣ“, помѣстивъ цѣлый философскій трактатъ въ концѣ романа на тему о роли личности въ массовыхъ движеніяхъ. Но его теоретическіе взгляды никогда не вліяли на художественные образы. Его произведенія не стали болѣе тенденціозными.

Въ этомъ отношеніи Толстой рѣдкій примѣръ художественной честности и независимости. Образы, создаваемые имъ, живутъ своей особенной, вполне самостоятельной жизнью и часто не подчиняются его выводамъ. Это въ высшей степени цѣнное свойство. Чувство правды и художественнаго такта ни на минуту не измѣняютъ Толстому. И потому, какъ художникъ, онъ всегда одинаково честенъ и вѣренъ себѣ. Такъ напр., еще въ старомъ разсказѣ „Люцернъ“, написанномъ съ явной цѣлью разгромить цивилизацію богатыхъ, Толстой рассказываетъ, какъ онъ, возмущенный черствостью англичанъ, не пожелавшихъ ничего дать уличному пѣвцу, пригласилъ этого пѣвца на зло надутымъ туристамъ за свой столикъ въ роскошномъ ресторанѣ и угощалъ виномъ. Толстому, конечно, хотѣлось показать, насколько мы выше черствыхъ представителей запада, но сила художественной правдивости такъ сильна въ Толстомъ, что, въ концѣ концовъ, разсказъ его приводитъ къ самымъ неожиданнымъ выводамъ. Оказывается, что пѣвецъ чувствовалъ себя очень неловко въ важномъ ресторанѣ за столомъ богатаго путешественника, что по всему видно было, какъ его стѣсняетъ неожиданное „благородство“ русскаго господина, что, видимо, онъ съ большой охотой предпочелъ бы скромный кабачокъ и менѣе дорогое вино. Въ концѣ концовъ вы видите, что въ благородствѣ